

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>

UDC 811.161.1:398.91
LBC 81.411.2-51

Submitted: 14.01.2019
Accepted: 15.05.2019

MODEL “MEANING ↔ APPLICATION” IN STUDYING RUSSIAN PROVERBS

Larisa A. Dzhelalova

Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy (Branch),
Dimitrovgrad, Russia

Abstract. The article is devoted to research of a communicative aspect of Russian proverbs in the model “Meaning ↔ Application” that is based at supposition about their triple nature. The aim was to identify the communicative and pragmatic properties of Russian proverbs and their potential to be used by a speaker as an argument or counter-argument in some situations. The material for the study were Russian proverbs that were collected in V.I. Dahl Dictionary and viewed as embedded in the text / discourse of a work of art or independent communicative acts. The methodological basis of the research is a combination of methods, in particular, methods of observation, comparison, interpretation, synthesis, sentence analysis with regard to a reference situation analysis presented in the internal proverb form, as well as a discourse analysis, including interpretation of the proverb meanings and their pragmatic properties that are hidden in the context of communicative situations. It helps to characterize models of communicative behavior as a presentation of the subject against the background of some other subjects of the communicative situation. This approach is thought to be efficient in discovering functional value of the proverbs in adjusting communication by means of characterizing the other participant. Being used for implementing some tactics in communicative acts the proverb with its hidden intentions becomes a means of correction relations between speakers. The approach chosen in this research opens the way for clarifying the subject matter and dividing the proverbs into thematic and structural-logical groups and enlarging knowledge on Russian paremiological discourse, thus lessening the chance of their misinterpretations.

Key words: proverb, communicative model, communicative strategy, speech tactics, speech act, intension, Russian.

Citation. Dzhelalova L.A. Model “Meaning ↔ Application” in Studying Russian Proverbs. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2019, vol. 18, no. 2, pp. 94-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>

УДК 811.161.1:398.91
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 14.01.2019
Дата принятия статьи: 15.05.2019

МОДЕЛЬ «ЗНАЧЕНИЕ ↔ ПРИМЕНЕНИЕ» В ИЗУЧЕНИИ РУССКИХ ПОСЛОВИЦ

Лариса Анатольевна Джелалова

Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (филиал),
г. Димитровград, Россия

© Джелалова Л.А., 2019

Аннотация. Статья посвящена исследованию коммуникативного плана русских пословиц в модели «Значение ↔ Применение» с учетом их тройственной природы. Цель – выявление коммуникативных и прагматических свойств русских пословиц и возможностей их применения говорящим в качестве аргумента или контраргумента в конкретной ситуации. Материалом для изучения послужили русские пословицы как внедренные в текст / дискурс художественного произведения, так и представляющие собой самостоятельные коммуникативные элементы. Методологическая база включает дискурсивный анализ, методы наблюдения, интерпретации, обобщения, сопоставления и классификации изречений. Результатом проведенного анализа стало описание коммуникативного плана пословиц, позволяющее квалифицировать их как коммуникативные поведенческие модели, характеризующие субъект относительно его самого или на фоне других субъек-

тов коммуникации. Такое видение научной проблемы дает возможность выявить пути конструирования эффективного общения, которое осуществляется посредством характеристики участника коммуникации, выбора верной тактики и коммуникативного хода, корректировки модели мира участников коммуникации с актуализацией при этом заложенных в пословицах интенций. Комплексное исследование пословиц с опорой на структурно-семантический и коммуникативно-прагматический подходы позволяет преодолеть трудности толкования пословиц и расширить их тематическую и структурно-логическую классификацию, обогащая представления о русскоязычном паремиологическом дискурсе.

Ключевые слова: пословица, коммуникативная модель, коммуникативная стратегия, речевая тактика, речевой акт, интенция, русский язык.

Цитирование. Джелалова Л. А. Модель «Значение ↔ Применение» в изучении русских пословиц // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2019. – Т. 18, № 2. – С. 94–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2019.2.9>

Постановка проблемы

Становление любой личности базируется на стереотипах – доминирующих в общественном сознании поведенческих моделях, которые оказывают влияние на формирование индивида, регулируя его поведение в рамках историко-культурных традиций и национальных приоритетов. Одной из таких моделей, как видится, являются пословицы, поскольку именно они, представляя собой свод национальных ментальных установок (по терминологии Ю.Н. Караулова – «прецедентные тексты» [Караулов, 2010, с. 217–219]), наполнены «культурной памятью» и могут выступать как законы, определяющие позицию человека в социуме, восприниматься носителями лингвокультуры как факт, данность, чаще всего не требующая доказательства. Формируя в сознании носителей лингвокультуры идеальные модели полезных результатов их деятельности, именно пословицы, создаваемые естественным путем, в силу своей функциональной направленности актуализируют коллективный опыт, обобщая «повторяющиеся в конкретных однопорядковых ситуациях признаки» [Маслова, 2014, с. 82]. Используемые говорящим в качестве аргумента, они могут быть не только смыслообразующими элементами коммуникативного пространства, но и стандартными средствами воздействия, влияющими на положительный результат общения, обеспечивающими «точность и недвусмысленность самого высказывания, в которое говорящий вкладывает информацию о своем коммуникативном намерении» [Джелалова, 2017а, с. 85].

Многочисленные исследования доказали, что при внешней простоте и широте возможностей речевых ситуаций применения пословицы представляют собой сложные образования. «С одной стороны, это явления языка... с другой – какие-то логические единицы (суждения или умозаключения); с третьей – художественные миниатюры, в яркой чеканной форме отражающие факты живой действительности» [Пермяков, 1970, с. 8]. Как единицы языка пословицы выполняют все его функции: коммуникативную, конструктивную, побудительную, информационную и т. д.; как логические единицы (суждения, умозаключения) без учета образов и семантических связей являются структурой, логическое соотношение ключевых компонентов которой способствует выявлению соотношений элементов смыслового ядра между собой; как художественные миниатюры – трактуют факты живой действительности в качестве законов, правил, обычаев, проверенных временем и принятых обществом за образец.

Отмеченная Г.Л. Пермяковым тройственная природа пословиц, думается, обуславливает необходимость их комплексного исследования с учетом структуры (когнитивный план), семантики (концептуальный план), коммуникативной ситуации и прагматики (коммуникативный план) посредством обобщенной модели «Текст ↔ Смысл ↔ Значение ↔ Применение», отражающей структурно-семантический и коммуникативно-прагматический подходы к объекту изучения. Описание когнитивного плана пословиц осуществляется нами по модели «Текст ↔ Смысл», концептуального – «Смысл ↔ Значение», коммуникативного – «Значение ↔ Применение» (под-

робно об этом подходе см.: [Джелалова, 2013; 2017б]). Статья посвящена характеристике коммуникативных и прагматических свойств русских пословиц и их влиянию на коммуникативный процесс в рамках модели «Значение ↔ Применение».

Материалом для работы послужили русские пословицы, извлеченные из словарей, составленных В.И. Далем и В.П. Жуковым. Исследуются единицы как внедренные в текст / дискурс художественного произведения (сопровождаются ссылкой на источник), так и представляющие собой самостоятельные коммуникативные элементы (приводятся без отсылки к источнику).

Коммуникативный план русских пословиц

Описание русских пословиц в коммуникативном плане направлено на выявление их внутренних коммуникативных моделей, прагматических свойств, сферы применения. Под значением мы понимаем принцип формирования концептуального образа, заложенного в изречении посредством синонимичных ему характеристик (концептуальный план). В этом случае, рассматривая текст, равный по своей структуре, с одной стороны, пословице, а с другой – ее тематическому воплощению в дискурсе художественного произведения, понимаем пословицу как физический сигнал, несущий знаковую информацию некой действительности (или ее фрагмента) посредством смысла, способствующего формированию соответствия между смыслом и значением. Под применением понимаем практическую реализацию модели «Значение ↔ Применение»: где, когда и при каких обстоятельствах в процессе коммуникации данные изречения могут быть использованы с максимальной точностью и предельной эффективностью, а также степень их влияния (или отсутствие такового) на положительный исход общения.

Цель исследования коммуникативного плана – выявление коммуникативных и прагматических свойств русских пословиц и описание возможностей использования пословиц говорящим в качестве аргумента (контраргумента) в конкретной ситуации общения. В этом случае коммуниканты, по В.И. Карасику, – не

просто субъекты общения, а языковые личности, представляющие собой «обобщенный образ носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Карасик, 2003, с. 363], в нашем случае характерных для русской национальной культуры и менталитета русского языкового сообщества.

Пословицы являются образцом определенной ситуации общения, их применение в конкретном коммуникативном акте позволяет говорящему выработать механизм предполагаемого речевого поведения, то есть разработать стратегию и тактику планируемого речевого акта, ведущего к положительному результату. В понимании коммуникативной стратегии мы опираемся на определение, данное О.С. Иссерс: это «совокупность речевых действий, направленных на решение общих коммуникативных задач говорящего (“глобального намерения” по ван Дейку)» [Иссерс, 2002, с. 109–110]. Речевая тактика – одно или несколько действий, используемых коммуникантами как умения, необходимые для построения диалога в рамках той или иной стратегии. Например, установление контакта (*Здравствуй! Здорово, коли не шутишь!*); самопрезентация (*Здравствуй, милая, хорошая моя, чернобровая, похожа на меня!*); устранение от контакта или его блокирование (*Будь здоров, да отойди прочь!*); коррекция модели мира собеседника (*Плачь не плачь, а есть-пить надо*); угроза (*Дружиться дружись, а за саблю держись!*); просьба (*Прости Христа ради за прошлое, да и напредки тож*); обвинение (*Сытый голодного не разумеет*) и т. д.

Пословица, выступающая в качестве «инструмента» коммуникации, фокусирует прошлый предметно-чувственный опыт народа и воплощает прагматические, в первую очередь аксиологические, или ценностные, свойства в категориях «хорошо – плохо»: *Держи девку в тесноте, а деньги в темноте*; «лучше – хуже»: *Кривой не беда, а горе криводушный*; «равноценно»: *На старости две радости: один сын – вор, другой – пьяница*. В.И. Карасик выделяет две большие группы норм поведения человека: этические (критике подвергается тот, кто проявляет недостаток морального качества) и утилитарные

(допускающие двустороннее измерение) [Карасик, 2000; 2004, с. 25–29]. Нами установлено, что с данным группами норм могут быть соотнесены пословицы четырех коммуникативных моделей (далее – КМ), в которых характеристика субъекта может происходить:

1) через описание его личных качеств (*Хорош, пригож, на лиху болезнь похож*), а также качеств его действия как процесса (*Сухая ложка рот дерет*) и результата (*Бился, колотился, а доброй жены не добился*) – КМ1 (представлена описательными пословицами);

2) в сравнении субъекта или его действий с другим субъектом через зависимость одного от другого (*Денежки, что голуби: где обовьются, там и поведутся*), а также взаимозаменяемость одного другим (*Читает: «Да будет воля твоя!», а думает: «Когда б то моя!»*) – КМ2 (представлена сравнительными пословицами);

3) через сравнение его качеств с качествами другого субъекта (объекта), находящегося в этой же ситуации (*Люди солгали, да и мы правды не сказали*) – КМ3 (представлена описательными пословицами с элементами сравнения);

4) сравнение характеризуемого субъекта с другим равным (неравным) ему субъектом через превосходство (*Бойтся школьник лозы пуще грозы*) или взаимоисключение (*Большая рыба маленькую целиком глотает*) – КМ4 (представлена сравнительными пословицами с элементами описания).

Пословицы, обладая коммуникативной направленностью, не только задают эмоциональный фон всему высказыванию, но и привлекают внимание к говорящему, усиливая речевое воздействие. Под коммуникативной направленностью понимаем намерение одного из коммуникантов посредством убедительности подвести партнера к желаемому результату. Пословицы могут выступать в качестве аргумента (контраргумента), возникшего в процессе общения как реакция на сложившуюся ситуацию. В понимании термина «аргументация» мы следуем за А.Н. Барановым, который охарактеризовал ее как «совокупность процедур над моделями мира... участников ситуации общения» [Баранов, 1990, с. 11]. В этом определении актуализируется

значимый для нашего исследования коммуникативный аспект аргументации: передача знаний от одного коммуниканта к другому с изменением структуры знаний как у убеждающей, так и убеждаемой стороны. Такое изменение осуществляется, например, через установление общих пресуппозиций, имитацию солидарности, создание и внедрение в сознание адресата общих элементов мира, операции с категориями «свой – чужой» / «норма – аномалия» и обнаруживается в пословицах, представляющих различные речевые акты.

Далее рассмотрим, как реализуется коммуникативный потенциал пословиц в речевых актах утверждения, утешения, предостережения, упрека.

Пословицы речевого акта «утверждение»

Пословицы речевого акта (далее – РА) «утверждение» – это выражения, передающие отношения говорящего к слушающему (*Воин: сидит под кустом да воет*) или же оценку его действия в сложившейся ситуации (*Баба с возу – кобыле легче. Волка бояться, так и в лес не ходить*). Следовательно, коммуникативные намерения говорящего РА «утверждение» представляют собой аргументированную оценку сложившейся ситуации, а также объективную характеристику участника коммуникации как такового или же качества его действия (как процесса и результата). Например, действие как процесс: *На рогоже сидя, о соболях не рассуждают* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его качества; значение – нельзя рассуждать о том, о чем ты не имеешь представления; применение – чаще всего, когда говорящий и слушающий разных социальных слоев или же говорящий не владеет в полной мере ситуацией и не может рассуждать конструктивно):

(1) В детстве довелось ему [Тимофею Ивановичу] побегать в мальчишках у родного дяди Евстафия, который держал в Маньчской станице корчму и гостиницу. Бесцеремонно обращался Евстафий с племянном, и уже тогда крепко усвоил семнадцатилетний рыжий Тимошка, услыша от дяди обидную истину: «*На рогоже сидя, о соболях не рассуждают*». Поповкин, Большой разлив (Жуков, с. 189).

Действие как результат: *Семеро одного не ждут* (КМ4 – характеристика субъекта происходит в сравнении его с другим / другими (равными / неравным) субъектом / субъектами через исключение одного слабого другим / другими более сильным / сильными; значение – 1) решение принимается в пользу большинства и против меньшинства, 2) мнение коллектива всегда звучит убедительно; применение – в ситуации, когда большинством исключается меньшинство):

(2) – Я вас вызывал два часа назад, – раздраженно сказал директор. – У меня были люди, – как можно спокойнее ответил Мокшин, запасаясь терпением. – У них больше времени – могли и подождать. – У меня было семеро человек... как раз по поговорке: *Семеро одного не ждут*. Попов, Закипела сталь (Жуков, с. 294–295);

Авось да как-нибудь до добра не доведут (КМ1 – характеристика субъектов происходит по конечному результату их действия; значение – работа не в полную силу не приведет к успеху; применение – в ситуации, когда говорящий не уверен в положительном исходе (конечном результате действия партнеров по коммуникации):

(3) Зря вы нас, Осип Егорович, даю благородное слово... Уж вы не обижайтесь, авось скотину пригоним в средней упитанности. – Против ожидания, Веревкин ответил очень спокойно, даже коротко: – *Авось и как-нибудь до добра не доведут*. В. Авдеев, Гурты на дороге (Жуков, с. 33).

Эффективность применения РА «утверждение» зависит от ряда условий:

– даваемая ситуации (конкретному лицу) оценка аргументирована и соответствует действительности, а потому в полной мере (или частично) принята слушающим [A<B] или говорящим [A>B] без явного отрицания: *Авось и как-нибудь до добра не доведут. На рогагоже сидя, о соболях не рассуждают. Семеро одного не ждут* и т. д.;

– слушающий (B) не имеет представления о причине выбора говорящим (A) тех или иных вариантов общения и воспринимает полученную им информацию как единственно возможную и адекватно отражающую внеязыковую действительность [A<B]: *С лица воды не пить, можно и с рябою жить*.

Пословицы речевого акта «утешение»

Пословицы РА «утешение» передают стремление говорящего вызвать изменение в убеждениях слушающего через обращение к его собственному критическому суждению посредством позитивных сообщений. Например, через эмоциональные обращения: *Отвяжись, худая жизнь, привяжись хорошая! Дай-то, боже, чтоб все было гоже!*; логические выводы или весомые аргументы: *Что ни делается, все к лучшему*. Коммуникативным намерением говорящего является желание снизить эмоциональное напряжение слушающего, не позволяя ему в полной мере пережить душевные страдания и стабилизируя его психологическое состояние посредством пословиц. Следовательно, применение РА «утешение» будет эффективным тогда, когда один из коммуникантов (слушающий) находится в критической ситуации, вызывающей у него неприятные чувства, и нуждается в помощи. Например, *Будет и на нашей улице праздник* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит по конечному (положительному) результату его действия в будущем; значение – наступит то время, когда и наши надежды и желания сбудутся; применение – в ситуации убеждения кого-либо в необходимости надеяться на лучшее, которое обязательно настанет):

(4) – Жизнь у тебя не сегодня кончается, *будет и на твоей улице праздник*. За нас держись, мы не чужие. Переживем как-нибудь. Тендряков, Не ко двору (Жуков, с. 52);

Без спотычки и конь не пробежит (КМ2 – характеристика субъекта или его действия происходит в сравнении с другим субъектом или его действием через зависимость одного от другого; значение – каждому свойственно ошибаться; применение – в ситуации оправдания чего-либо: ошибки, оплошности, затруднительного и неловкого положения и т. д.):

(5) Вера Стругова подошла к Андрею и... хотела что-то сказать, но в самый последний момент не решилась и так застыдилась этой новой своей робости, что у нее покраснели маленькие уши. И снова выручил веселый шофер. – Ничего, товарищ Стругова

гова, без спотычки и конь не бегаёт. Пермитин, Ручьи весенние (Жуков, с. 40).

Эффективность применения пословиц РА «утешение» напрямую зависит от способности говорящего (А) не только сделать слушающего (В) своим единомышленником, но и помочь ему выйти из той или иной ситуации с наибольшей продуктивностью [A<B]. Например, *Без стыда лица не износишь* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его личных качеств; значение – не удастся прожить жизнь, ни разу не испытав чувства стыда; применение – в ситуации убеждения кого-либо в закономерности произошедших событий):

(6) У Галактиона вдруг сделалось скучное лицо, и он нахмурился. Писарь понял, откуда занесло тучу, и рассказал, что давеча болтала попадья с гостями. – Откуда только вызнают эти бабы! – удивлялся писарь и, хлопнув Галактиона по плечу, прибавил: – А ты не сумлевайся. *Без стыда лица не износишь*, как сказывали старинные люди, а перемелется – мука будет. Мамин-Сибиряк, Хлеб (Жуков, с. 40).

Пословицы речевого акта «предостережение»

Пословицы РА «предостережение» способствуют формированию определенных установок, посредством которых говорящий может предостеречь слушающего от совершения им нежелательных поступков. Например, *Не плюй в колодец, пригодиться <воды> напиться. Подальше положишь, поближе возьмешь*. Говорящий в РА «предостережение» всегда занимает главенствующую позицию, основанную на статусном превосходстве (процесс делового взаимоотношения) или социально-ролевых отношениях (в воспитательных беседах с людьми, нуждающимися в мотивационной коррекции, или при демонстрации каких-либо возможностей, преимуществ). Слушающий не пытается изменить ход сценария и занимает пассивное положение, принимая и переосмысливая информацию говорящего. Следовательно, коммуникативным намерением последнего является стремление предостеречь слушающего от нежелательного поступка, предотвра-

тив заранее отрицательный результат. Например, *Свои (две) собаки грызутся, чужая <третья> не приставай <не лезь, не мешай>* (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит посредством сравнения его с другим равным (неравным) ему субъектом через исключение его из коммуникативного процесса; значение – не вмешивайся не в свое дело; применение – в ситуации, когда посторонний вмешивается в ссору близких людей и сам попадает из-за этого в неприятное положение):

(7) [Пионова:] Они поссорились, они и помирились. Это уж их дело. [Бальзаминов:] А как же я-то теперь-с? При чем же-с? [Пионова:] А вы знаете русскую пословицу: *свои собаки грызутся, чужая не приставай?* Островский, Свои собаки грызутся, чужая не приставай (Жуков, с. 289–290);

Руби дерево по себе (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его личных качеств; значение – выбирай себе ровню (при женитьбе); применение – в ситуации, когда слушающий не способен правильно оценить себя, свои возможности, положение (социальное, материальное) и др., а потому может получить отрицательный результат, от которого его можно предостеречь):

(8) – Я про Дусю твою распрекрасную говорю. – А что Дуся? – с вызовом спросил Сутырин. – А то, – сказал Николай, – я тебе по дружбе говорю, Серега: брось! Не пара она тебе, и ни к чему все это... *По себе дерево руби*. А. Рыбаков, Екатерина Воронина (Жуков, с. 275–276).

Эффективность применения РА «предостережение» зависит от ряда условий. Так, слушающий (В) готов принять и правильно оценить предостережения говорящего (А), осознавая необходимость изменения сложившейся ситуации и тяжесть возможных последствий для себя лично [A>B]. Например, *Не плюй в колодец, случиться <воды> напиться* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит через описание его действий; значение – не делай неприятностей, не вреди кому-либо, так как этим можешь лишить себя в будущем помощи, поддержки; применение – в ситуации, когда слушающий пытается навредить субъектам общения, но может пострадать и сам):

(9) – Ну, собрала ему [мужу] манатки и говорю: «Смотри, Павлуша, *не плюй в колодец, пригодиться воды напиться*». А он: «Подумаешь!» С тем и ушел. И в аккурат перед походом письмо прислал. Пишет: «Правильно, Дуся, ты говорила – не плюй в колодец. Не нашел я лучше тебя». А. Листовский, *Конармия* (Жуков, с. 215).

Кроме того, РА «предостережение» может быть эффективен в ситуации статусного неравенства оппонентов при условии, что предупреждение идет от говорящего (А), который по статусу выше слушающего (В), с целью оказать (В) помощь и поддержку в выходе из сложившейся ситуации [А<В]. Например, *Поспешишь – людей насмешишь* (КМ1 – характеристика субъекта общения происходит по результату его действия; значение – спешка всегда приводит к плохим результатам; применение – в ситуации, когда для получения положительного результата требуются хорошо обдуманые и неторопливые действия):

(10) – Но ведь мне ехать надо, – сказала она [Аннинька]. – Об том-то я и говорю. Потолкуем да поговорим, а потом и поедем. Благословясь да богу помолясь, а не так как-нибудь: прыг да шмыг! *Поспешишь – людей насмешишь*. Спешат-то на пожар, а у нас, слава богу, не горит. Салтыков-Щедрин, *Господа Головлевы* (Жуков, с. 263).

Пословицы речевого акта «упрек»

Пословицы РА «упрек» способствуют формированию психоэмоционального настроения участников коммуникации, посредством которого говорящий, передавая свои чувства и переживания, воздействует на слушающего. Он должен либо осознать недопустимость совершенных им действий, либо доказать правомерность своих действий, которые будут приняты в качестве неоспоримого аргумента. Например, *Брехать – не цепом мотать. В чужих руках локоть велик*. Коммуникативным намерением говорящего является стремление обратить внимание слушающего на сложившуюся ситуацию и указать на характер ошибок, допущенных им ранее в отношении говорящего. Эти ошибки и привели к упреку. Например, *В чужом глазу и сучок видишь, а в своем и бревна не видишь* (КМ3 – характеристика субъекта общения происходит че-

рез сравнение его качеств с качествами другого субъекта, находящегося в этой же ситуации; значение – у других видим и мелкие недостатки, а у себя не замечаем даже большие; применение – в ситуации, когда слушающий предвзято относится к говорящему или кому-либо):

(11) – Из евангельского текста: «*Что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревна в твоём глазе не чувствуешь?*.. Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза, тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего» (Матф., 7, 3–5; Лука, 6, 41). См. Михельсон, т. 2, с. 332; Ашутин, Ашутина, с. 335 (Жуков, с. 64);

Видит собака молоко, да рыло коротко (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит через сравнение его с другим неравным ему субъектом; значение – и хотелось бы иметь что-либо, да не доступно; применение – в ситуации, когда желание говорящего не совпадает с его возможностями):

(12) [Бальзаминов :] Если б я был царь, я бы издал такой закон, чтобы богатый женился на бедной, а бедный – на богатой; а кто не послушается, тому смертная казнь. [Красавина :] Ну вот когда от тебя такой указ выйдет, тогда мы и будем жить потвоему; а до сих пор, уж ты не взыщи, все будет по старому русскому заведению: «По Сеньке шапка, по Еремке кафтан». А то вот тебе еще другая посьловица: «*Видит собака молоко, да рыло коротко*». Островский. За чем пойдешь, то и найдешь (Жуков, с. 69).

Эффективность применения РА «упрек» зависит от ряда условий. Так, говорящий (А) аргументированно доказывает недопустимость совершенных слушающим (В) действий в прошлом, а последний признает свои ошибки [А<В], например: *Не смейся горох, не лучше бобов* (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит посредством сравнения его с другим равным (неравным) ему субъектом через его кажущееся превосходство; значение – не смейся над кем-либо, сам можешь оказаться в таком же положении; применение – в ситуации ответа на чьи-либо, например, насмешки):

(13) – А ведь истинный бог, правду говорит посьловица: *Не смейся горох над бобами, сам бу-*

дешь валяться под ногами... – задумчиво проговорила она [Анна]. – Я про Ивана Засипатыча вспомнила. Или забудешь, как он напер на Пантиску да на тебя за муку?... – отлились ему ваши слезы. В. Колыхалов, *Дикие побеги* (Жуков, 2000, с. 221).

Кроме того, РА «упрек» может быть эффективен тогда, когда слушающий приводит контраргумент, подтверждающий правильность выбранной им стратегии в сложившейся ситуации в прошлом, убеждая говорящего изменить свою точку зрения [АВ]. Например, *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* (КМ4 – характеристика субъекта общения происходит посредством сравнения его с другим равным (неравным) ему субъектом через исключение одного другим; значение – пожалел лишь на словах, а на деле причинил большой вред, принес несчастье; применение – в ситуации, когда действия говорящего не соответствуют конечному результату):

(14) Подошла большая толпа мужиков. Все были взволнованы и кричали каждый свое. – Как она [барыня] улещала-то: мужички! Мужички! Опамятуйтеся! Беду на себя накличете... Мне вас жалко... – *Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву*. Гладков, *Повесть о детстве* (Жуков, с. 257).

Пословицы в коммуникативных ходах и тактиках

Особенности диалога, ведущего к положительному / отрицательному результату общения, зависят и от последовательности речевых операций: коммуникативных ходов и тактик, используемых субъектами в процессе общения. Как показывают результаты нашего исследования, для каждого РА характерен свой набор речевых операций, позволяющий достичь желаемого результата (заметим, что согласно О.С. Иссерс, коммуникативный ход может быть приравнен к речевому акту).

Пословицы, используемые говорящим в рамках коммуникативного хода «аргумент», позволяют отклонить доводы собеседника: *На рогоже сидя, о соболях не рассуждают; Авось и как-нибудь до добра не доведут; Семеро одного не ждут; Угроз твоих не боюсь, а ласка не нужна* (все РА – «утверждение»); апеллировать к качествам субъекта: *Старый конь борозды не испортит* (РА «утверждение»); *Горе-богатырь: пьян с*

вина на алтын; До поры – у норы, а в пору – в нору; Был снап казист, да вымолочен, кажись (РА «упрек»); *Эта дыра при старом воеводе была; Которая корова пала, та по два удоя давала* (то есть ее долго поминают – прим. В. Даля) (РА «утверждение»); апеллировать к чувствам и отношениям: *Без спотычки и конь не пробежит; Без стыда лица не износишь; Будет и на нашей улице праздник; Битая посуда два века живет; Выше лба уши не растут; Бог терпел, да и нам велел* (РА «утешение»).

Коммуникативный ход «установление контакта» характерен практически для всех речевых актов, но тактики, выбранные говорящим для его реализации в процессе общения, позволят определить конкретный речевой акт. Так, коммуникативный ход «установление контакта» может реализоваться посредством контактоустанавливающей тактики с целью изменения эмоционального состояния партнера и передачи им контроля над пониманием, инициативой говорящему (РА «утешение»); формирования общих пресуппозиций, основанных на категориях «польза – вред», «друг – враг» и др. (РА «утверждение», «предупреждение»); контроля над темой, пониманием, инициативой говорящего (РА «утверждение», «предупреждение», «упрек»); самопрезентации (РА «утверждение», «предупреждение»).

Коррекция модели мира говорящим происходит посредством: 1) коммуникативного хода «апелляция к авторитету» (например, в отношениях начальник / лицо, вызывающее абсолютное доверие, и подчиненный / принимающий в полной мере информацию): *Семеро одного не ждут* (РА «утверждение»); *Свои (две) собаки грызутся, чужая <третья> не приставай <не лезь, не мешай>* (РА «предостережение»); 2) статусно-ролевых тактик: а) «игра на понижение»: *Авось и как-нибудь до добра не доведут; На рогоже сидя, о соболях не рассуждают; Семеро одного не ждут* (РА «утверждение»); *В чужом глазу и сучок видишь, а в своем и бревна не видишь; Не смейся горох, не лучше бобов; Пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву* (РА «упрек»); б) «игра на повышение»: *Без спотычки и конь не пробежит; Без стыда лица не износишь; Будет*

и на нашей улице праздник, а также *Оттерпимся и мы людьми будем; Бог терпел и нам велел* (РА «утешение»).

Тактика «игра на понижение» применяется говорящим в РА «утверждение» с целью блокирования контакта и отклонения аргументов партнера (*Авось и как-нибудь до добра не доведут* и др.); блокирования контакта и ухода от темы (*Выше лба уши не растут* и др.); контроля над темой, инициативой, пониманием (*Руби дерево по себе; Свои (две) собаки грызутся, чужая <третья> не приставай <не лезь, не мешай>; Поспешишь – людей насмешишь* и др.); в РА «убеждение» – с целью расположения собеседника к открытому общению (*Ночная кукушка дневную (дневную) перекукует* и др.); при использовании коммуникативного хода «утешение» (*Будет и на нашей улице праздник* и др.). Тактика «игра на повышение» применяется при реализации таких коммуникативных ходов, как «отвлечение внимания от нежелательной темы» (*Где твой разум, тут и мой; где твоё слово, тут и мое* и др.); «апелляция к разуму и авторитету» (*Бей сороку и ворону, добьёшься до белого лебедя* и др.).

Заключение

Изучение пословиц в качестве единиц, имеющих коммуникативную значимость (с заложенными в их структуре коммуникативными моделями) и реализующихся в различных РА, коммуникативных ходах и тактиках, позволит, как представляется, построить эффективное общение: дать характеристику его участникам и выбрать верную тактику, коммуникативный ход для наиболее эффективного ведения конструктивного диалога. С помощью пословицы, включенной в процесс общения в качестве аргумента / контраргумента, говорящий может не только моделировать коммуникативный процесс, но и корректировать модель мира собеседника, контролируя его эмоциональную и интеллектуальную сферы. Трансформация ситуации в смысл речения дает возможность говорящему распознать и осознанно использовать в качестве классических образцов возможного общения заложенные в пословицах интенции: утверждения, утешения, предложения, упрека, просьбы,

распоряжения, угрозы и др., что обеспечит развитие диалога в нужном для собеседников русле. Применение структурно-семантического и коммуникативно-прагматического подходов к изучению пословиц позволяет объяснить принцип развертывания смысла до значения и применения коммуникативной модели выражения, лежащей в его основе, открывает возможности не только для объединения пословиц, схожих по значению в той или иной ситуации, в группы, но и прогнозирования коммуникативного процесса с учетом вариантов достижения положительного результата общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баранов А. Н., 1990. Лингвистическая теория аргументации (когнитивный подход) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Москва. 48 с.
- Джелалова Л. А., 2013. Образная составляющая как этнический компонент когнитивного пространства паремий тематической группы «Человек» // Известия Тульского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Вып. 3, ч. 1. С. 264–273.
- Джелалова Л. А., 2017а. Пословица как объект коммуникативно-прагматического анализа // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 3 (43). С. 83–91. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-3-9.
- Джелалова Л. А., 2017б. Пословица как объект общедно-ориентированного общения (на материале русских пословиц) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. № 4 (44). С. 96–103. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-10.
- Иссерс О. С., 2002. Коммуникативные стратегии и тактика русской речи : монография / науч. ред. Н. А. Куприна. 2-е изд стер. М. : Эдиториал. УРСС. 284 с.
- Карасик В. И., 2000. Нормы поведения в социолингвистическом аспекте // Коммуникативно-прагматическая семантика : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена. С. 3–16.
- Карасик В. И., 2003. Языковая личность: аспекты изучения // Язык и культура : тез. докл. II Международ. науч. конф. (Москва, 17–21 сент. 2003 г.). М. : Ин-т иностр. яз. С. 362–363.
- Карасик В. И., 2004. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография. М. : Гнозис. 390 с.
- Караулов Ю. Н., 2010. Русский язык и языковая личность. М. : Наука. 263 с.

- Маслова В. А., 2014. Новые русские пословицы: когнитивный и лингвокультурологический аспекты // Вестник Новгородского государственного университета. Серия: Филологические науки. № 77. С. 81–84.
- Пермяков Г. Л., 1970. От поговорки до сказки (Заметки об общей теории клише). М. : Наука. 240 с.

ИСТОЧНИКИ

- Даль В. И. Сборник пословиц русского народа : в 2 т. 2-е изд., стер. СПб. ; М. : Вульф, 1879.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. 4-е изд., стер. М. : Рус. яз. Медиа, 2007.
- Жуков В. П. Словарь русских пословиц и поговорок. 7-е изд., стер. М. : Рус. яз., 2000. 544 с.

REFERENCES

- Baranov A.N., 1990. *Lingvisticheskaya teoriya argumentatsii (kognitivnyy podkhod): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Linguistic Theory of the Argument (Cognitive Approach). Dr. philol. sci. abs. diss.]. Moscow. 48 p.
- Dzhelalova L.A., 2013. *Obraznaya sostavlyayushchaya kak etnicheskiiy komponent kognitivnogo prostranstva paremiy tematicheskoy gruppy «Chelovek»* [Figurative Element as Ethnic Component of Cognitive Space Paremiyas of Thematic Group “Human”]. *Izvestiya Tulskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [News of the Tula State University. Humanitarian Sciences], iss. 3, part 1, pp. 264-273.
- Dzhelalova L.A., 2017a. *Poslovitsa kak obyekt kommunikativno-pragmaticheskogo analiza* [Proverb as a Subject of Communicative and Pragmatical Analysis]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region. Humanities], no. 3 (43), pp. 83-91. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-3-9.
- Dzhelalova L.A., 2017b. *Poslovitsa kak obyekt obikhodno-orientirovannogo obshcheniya (na materiale russkikh poslovits)* [The Proverb as an Object of Everyday Household Communication (By the Material of Russian Proverbs)]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Gumanitarnye nauki* [University Proceedings. Volga Region.

- Humanities], no. 4 (44), pp. 96-103. DOI: 10.21685/2072-3024-2017-4-10.
- Issers O.S., 2002. *Kommunikativnye taktiki i strategiya russkoy rechi: monografiya* [Communicative Tactics and the Russian Speech Strategy. Monograph]. Moscow, Editorial. URSS. 284 p.
- Karasik V.I., 2000. *Normy povedeniya v sotsiolingvisticheskom aspekte. Kommunikativno-pragmaticheskaya semantika* [Norms of Behavior in Sociolinguistic Aspect. Communicative and Pragmatical Semantics. Collection of Scientific Works]. Volgograd, Peremena Publ, pp. 3-16.
- Karasik V.I., 2003. *Yazykovaya lichnost: aspekty izucheniya* [Language Personality: Aspects of Studying]. *Yazyk i kultura: tez. dokl. II Mezhdunar. nauch. konf. (Moskva, 17–21 sent. 2003 g.)* [International Scientific Conference “Language and Culture”. Moscow, September 17–21, 2003. Report Theses]. Moscow, Institut inostrannykh yazykov, pp. 362-363.
- Karasik V.I., 2004. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs: monografiya* [Language Circle: Personality, Concepts, Discourse. Monograph]. Moscow, Gnozis Publ. 390 p.
- Karaulov Yu.N., 2010. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian Language and Language Personality]. Moscow, Nauka Publ. 263 p.
- Maslova V.A., 2014. *Novye russkie poslovitsy: kognitivnyy i lingvokulturologicheskiy aspekty* [New Russian Proverbs: Cognitive, Linguistic and Cultural Aspects]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Filologicheskie nauki* [Vestnik of Yaroslav the Wise Novgorod State University. Philological Sciences], no. 77, pp. 81-84.
- Permyakov G.L., 1970. *Ot pogovorki do skazki (Zametki ob obshchey teorii klishe)* [From a Saying to a Fairy Tale (Notes on the General Theory of Cliches)]. Moscow, Nauka Publ. 240 p.

SOURCES

- Dal V.I., 1879. *Sbornik poslovits russkogo naroda: v 2 t.* [Proverb Collection of Russian People. In 2 Vols.]. Saint Petersburg, Moscow, Vulf Publ.
- Dal V.I., 2007. *Tolkovyy slovar zhivogo velikorusskogo yazyka: v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language. In 4 Vols.]. Moscow, Russkiy yazyk Media Publ.
- Zhukov V.P., 2000. *Slovar russkikh poslovits i pogovorok*. [Dictionary of Russian Proverbs and Sayings]. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 544 p.

Information about the Author

Larisa A. Dzhelalova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Sub-Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines, Moscow State University of Technologies and Management named after K.G. Razumovskiy (Branch), Oktyabrskaya St., 74, 433505 Dimitrovgrad, Russia, dshelar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-9639>

Информация об авторе

Лариса Анатольевна Джелалова, кандидат филологических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Московский государственный университет технологии и управления им. К.Г. Разумовского (филиал), ул. Октябрьская, 74, 433505 г. Дмитровград, Россия, dshelar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6184-9639>